

Николай Иванович Шибанов родился в 1961 году в городе Степняк Кокчетавской области. Прозаик, поэт. Публиковался в журналах «Роман-газета», «Краснодар литературный», «Литературный Юг», «Гренада» (Новокузнецк), «Наше слово» (Новороссийск) и др. Автор книги прозы «С гордостью и любовью». Лауреат ряда региональных литературных наград. Живет в Новороссийске.

Николай Шибанов

КАРЬКА

Рассказ

Послевоенной весной в деревне только и разговоров было, что старая кобыла Буланка жеребая. Навроде молодой жеребец по кличке Мальчик постарался. С той поры Буланку в работу не использовали, нельзя. Пусть ожеребится, а потом наверстают, небось работы к тому времени не убудет. Трактора в хозяйстве были, но на все не хватало техники.

В мае Буланка ожеребилась, жеребенок был карей масти, да темный такой, что его сразу конюх Степан Карькой окрестил. Карька почти сразу вскочил на ноги, правда, стоять ровно еще не мог, но к вымени матери потянулся. Буланка, облизавшая своего ненаглядного ребятыныша, терпеливо ждала, пока Карька найдет сосок и напьется кобыльего молока. Жеребенок сосал жадно и много, не отошел от матери, покуда не опростал кобылу. Ему и этого показалось мало, но у Буланки больше не было молока, и она отошла от жеребенка. Карька попытался догнать мать, но шаги были неумелые, и, притомившись, жеребенок лег на траву.

К вечеру конюх укутал Карьку своим брезентовым плащом и понес. Буланка тревожно семенила за ним. Все переживала, как бы не уронил.

Конюх Степан несколько раз останавливался, чтобы передохнуть. По дороге встретилась ему подвода — возвращался из района Иваныч, бригадир. Так что оставшуюся часть пути Карь-

ка ехал на телеге. Буланка, не отставая, сунула морду к жеребенку и заржала. Степан радостно засмеялся.

— Чего ржешь? — улыбаясь, спросил Иваныч.

— Дык дитю радуется, — благосклонно пояснил молодой конюх.

— Да я не у тебя спрашиваю, дубина стоеросовая, — захохотал бригадир.

— Че лаешься без дела? — огрызнулся Степа, ему было 17 лет, и на другой год предстояло в армию идти.

Степа чувствовал себя взрослым, тем более он старший конюх как-никак. Ему хотелось быть на равных с мужиками, среди которых почти все фронт прошли. А тут насмешка, хотя бригадир прав: Сибирь-матушка и в мае норов показать может, и жеребенок мог сдохнуть от переохлаждения. Слава Богу, обошлось, Степан подоспел вовремя, и плащ не зря прихватил, пригодился жеребенка укрыть.

Уже смеркалось, когда подвода подъехала к конюшне, Иваныч взял на руки жеребенка и понес в денник, где стояла Буланка. Кобыла следовала за жеребенком, не переставая волноваться. Карька пытался вырваться из крепких объятий бригадира, но тщетно.

Денник был открыт. Иваныч сторожко вошел, Буланка семеняла следом, заглядывая через его плечо на свое ненаглядное чадушко. Он опустил Карьку на деревянный пол, устланный сеном в углу. Карька почувствовал опору под ногами, вскочил и тут же завалился на бок. Кобыла ласково заржала, давая понять, что она рядом, и когда Иваныч отошел, буквально ринулась к жеребенку и стала облизывать. Успокоенный матерью Булька твердо встал на ноги и уверенно сделал шаг к материнскому вымени. Уткнувшись в брюхо кобылы, жадно ловил материнские соски и пил, пил, покуда молоко не кончилось. Тогда жеребенок топнул сердито копытцем. Старший конюх и бригадир покатались со смеху. Наутро вся деревня знала про это.

На другой день Карька уже достаточно твердо стоял на ногах, а через неделю резво носился по конюшне, мешая уборке. Напрасно Буланка тихим ржанием пыталась образумить свое неразумное дитя. Карька продолжал бегать и скакать без устали.

Буланку освободили от работ — скотину умели беречь, не то, что людей. Выпускали кобылу погулять без пут, куда она с жеребенком убежит? На водопой кобыла водила своего резвого Карьку на пруд, возле ленты соснового бора, прозванного Свинарским лесом, потому что летом там был выпас свиней. Пруд служил питьем и для колхозного стада, а для деревенской ребятни, пропадавшей на пруду весь летний день, водоем был местом для купания. Буланка выгадывала так, чтобы успеть до коров и чтобы ребятишки разбежались на обед. Вместе с коровами кобыла не пила, вода из-за них становилась грязная.

Жеребенок рос быстро, и норов у него оказался непростым: дотронуться до себя он не позволял, мог и взбрыкнуть, еще неумело, но со временем Карька научился искусству умело лягать копытами, как задними, так и передними. Это умение не раз спасало жизнь жеребцу. Мать его, Буланка, была покладистой лошадей, и в упряжке, и под седлом она не позволяла себе вольностей. Пахать так пахать, скакать тоже, пожалуйста. Правда не так быстро и долго, но другие и так не выдерживали. Карька, в противоположность матери, мог и укусить зазевавшегося незадачливого прохожего.

Пришла осень, следом зима. В Сибири эти два времени года неразрывно связаны с первыми заморозками, снегопадами метелями и буранами. Снегу каждый год навалит столько, что детвора забирается на крышу конюшни, а она не то что в коровнике, высокая! Для лошадей простор необходим и воздух чистый, в закрытом помещении лошади стоят зимой большую часть суток, и едят, и пьют, и нуж-

ду справляю. Конию только успевают чистить денники, поить и кормить лошадей, ну и за упряжью следить, особая статья — подковы, не приведи Господь на зиму не перековать кобылку или коня, все — беда! Поскользнется и седока зашибет, и сама ноги переломает, а лошадь с поломанными ногами в хозяйстве ни к чему, и отправят ее, горемычную, на бойню...

Кузнец на селе после председателя второй человек! Чуть что, к дяде Саше или Сан Санычу бегут, — выручай! И ведь никто не сможет помочь, только кузнец! А кузнец тоже человек, ну невзлюбил он кого, что делать тогда горемыке?.. Кланяется — дескать, вся надежда на тебя, Сан Саныч! Кузнец брови нахмурит: «Угля, — говорит, — мало завезли. А полотен сенокосных два десятка приволокли, ножи менять надо! Да и железа у меня с гулькин нос осталось, и то ржавое! Пока нагреешь такой кусок, ржа сколько железяки съест? Не знаешь, вот то-то и оно, вы только как ломать и знаети, а как починять, понятия у вас нет!» И так это указательным пальцем вверх тычет для значительности. Ну что делать, к председателю идти без толку!

Газосварки еще тогда не было, а дело стоит. Ладно, когда колхозное, а ежели что по хозяйству надоть, ужом вывернешься, а сделаешь! Запечатанную бутылку водки в магазине по такому случаю не жалко! Сан Саныч, а теперь уже просто дядя Саша, вытащит из укромного уголка кусок добротного железа и делает так, что на года забудешь про поломку. А зажмешь магарыч, не взыщи! Дело ты в конце концов выходишь, но сделано будет кое-как и прослужит недолго.

Коней ковать дядя Саша любил, какая-то нежность на суровом челе кузнеца пробивалась, он и погладит по морде шершавой ладошкой, и гвоздь забьет так ловко, что лошадь и не почувет, и не раскуется никогда! Уже только за это ценили Сан Саныча. Он был не большой любитель выпить, а когда коней ковать, так за неделю до того дня не приложится. Лошади — это тебе не люди, перегар не терпят, другая пьяному и сесть в седло не позволит. Хороший человек лошадь!

Карьку подковывать было рано, так его и погулять больно не пускали. Из своего денника в свободный перегонят, чтобы убраться и сена кинуть. Лошадь обычно не ложится и всю жизнь на ногах, как им это удается — непонятно.

Карька любил уборку, особенно когда во двор выпускали на свежем воздухе погулять. Лошади, которые в сани запрягались, завидовали Карьке: гляди-кось колят его и на работу не гоняют.

По весне жеребцов на улицу не выпускают без уздечки, мало ли чего, убежит, потом лови его дня два, а то и три! Карька не давал на себя упряжь надеть, крутился, вертелся и ни в какую. Однажды его выпустили во двор конюшни во время уборки, стригунку уже год исполнился. Карька, ошалев от вольного воздуха, передними копытами сломал верхнюю жердь толщиной в 15 см и, спокойно перемахнув через нижнюю жердь, поскакал в степь. Табун устремился за ним, как за вожакom. 5 минут не прошло, как молодые жеребцы скрылись из глаз. Кобылы и старые кони смотрели с нескрываемой завистью на взывравшую молодежь.

Степан и Васька, заслышав треск жерди, с ужасом смотрели вслед убежавшим жеребцам. Спohватившись, Степан отвязал вороного коня и поскакал вслед за беглым табунom, надеясь хоть часть жеребцов вернуть. После полудня троих он смог завернуть и пригнать домой. За остальными жеребцами снарядили опытных мужиков, главным поставили Сармана, высокого жилистого казаха, не знавшего равных себе, когда приходилось объезжать коней. Ни разу жеребцы не сбросили Сармана! Мужики подобрались бывалые, взяли еды в котомки и воды во фляги, и поехали. Через пару дней вернулись двое мужиков и пригнали беглых жеребчиков, с которых лоск уже сошел. Хитроумный Сарман знал свое дело, но только Карька смог вырваться из всех ловушек, приговоренных им для него.

— Это не конь, а шайтан конь-то! — возмущенно рассказывал Сарман. — Мы сделали ловушку: полдня из молодой березы вили, хорошо получилось. И загнали в нее Карьку, так он грудью ее порвал и ушел! Шайтан, одно слово!

Решили записать, что жеребец сдох от болезни. Потом — что волки по весне задрали. Или по зиме? Долго судили-рядили, наконец, поставили «естественную убыль». Вроде как по старости, а жеребчику год исполнился, подсудное дело! Ветеринар выручил, написал диагноз, что падеж произошел по неизвестным причинам, а в скобках предположил туберкулез костей.

Попытки изловить Карьку время от времени делали, но он словно чуял вновь придуманные ловушки. К осени у Карьки грива стала шелковистая, питался он не в пример лучше колхозных лошадей: и молодой порослью злаковых не гнушался, и травушкой-муравушкой, а когда овес поспел, вот где праздник живота наступил у Карьки. Однажды он много съел овса и выпил чистой озерной воды, вот тут он и понял к чему ведет обжорство. Овес разбух в животе, и стало пучить, конь судорожно катался по земле и пытался облегчиться. Чуть было не стало жеребца Карьки! Да так-таки обошлось!

На всю свою лошадиную жизнь Карька запомнил этот урок — и впредь не объедался! Немного погодя злаковые с полей убрали, и трава пожухла. Есть стало нечего, корой с деревьев не наешься. Карька нашел стога сена, не вывезенные летом, сломал жерди, преграждающие путь к ним, и опять повеселел. Скоро стожки уменьшились, не один Карька утолял голод здесь. Но по зимнику стожки оставшиеся и вовсе вывезли. Тогда Карька повадился на колхозный сеновал: траншею перемахнет — и нате, пожалуйста, кушайте, не обляпайтесь. Несколько раз его замечали возле колхозного сеновала, но поймать — и думать не могли! Спал Карька на краю леса с подветренной стороны: и ветер потише, и ускакать всегда по степи можно. Однажды стая волков попыталась окружить коня и полакомиться, но не успели. Карька, почуяв недоброе, рванул в спасительную степь. Матерому волку, кинувшемуся наперерез Карьке, жеребец передним копытом проломил череп. Другому волку, уже нагнавшему его и прыгнувшему под брюхо, Карька изловчился и копытами задних ног перебил ребра, да так, что волк издох тут же. Стая без вожака остановилась, а Карька, шалея от собственной мощи, мчался вперед к человеческому жилью, куда стая побойится подойти близко.

Несмотря на опасности вольной жизни, не всегда сытой и безопасной, Карька был доволен. Таскать сани или телеги за ведро овса или ячменя жеребец не хотел. А морозы ему были не страшны, подшерстка не давала замерзнуть. Чтобы голод утолить, можно из-под снежной корки выдолбить кусочки замерзшей травы. Лакомство, конечно, не из самых изысканных и сытных, но выбирать не приходилось. Впрочем, можно было вернуться к людям, в теплую конюшню, защищенную от всех невзгод вольной жизни!

Карька иногда подходил к конюшне, соблазн был велик. Но кончалось все очередным набегом на сеновал и поспешным ретированием в степь на волю.

Первая зима была очень тяжелой, и когда пришла весна, жеребец радостно взбрыкивал от запаха теплой земли и талого снега. Весенняя бескормица оптимизма не добавляла, но Карька стойко переносил лишения.

В степи снег долго лежал, не тронутый весенним теплом, а в лесу сугробы вовсе не думали отступать. И Карька чаще стал посещать сеновал, однажды его чуть не изловили, спасли ворота, обычно запертые. А тут как на грех скотники, приехавшие за сеном для коров, не закрыли ворота. Первым жеребца заметил Бурамбай. Карька дремал за стожком и не учуял подбирающегося с арканом скотника.

Запах коровьего навоза, пропитавший одежду человека, заставил очнуться от сна жеребца. Недолго думая, он рванулся в сторону ворот, чего обычно не делал

никогда. На его лошадиное счастье аркан, брошенный Бурумбаем, скользнул по ушам и опустился на холку, и неприятным холодком проехал по спине жеребца, ускакавшего в степь в очередной раз. Больше Карька не спал на сеновале даже в лютый буран!

Все заканчивается, в том числе и суровая сибирская зима с ее морозами, бескормицей и лишениями. Как-то враз перестало быть холодно, тепло еще не нахлынуло, но воздух перестал обжигать дыхание своей пронзительной силой, заставлявшей делать неглубокие и частые вздохи. Людям проще: укутался шалью или шарфом — и дыши себе спокойно. Коню сложнее, благо природа наделила его большими легкими, позволявшими свободно дышать. Опытный ездок не гоняет через силу лошадь, особенно в мороз. Жалели животину, в мороз выводили только по большой надобности, и вообще зимой в деревне работы немного, старались до большого снега управиться с делами. Ну, а когда распогодится, запрягали в сани коней, и можно было в район или даже в область съездить. Машины уже появились, но у людей недоверия к технике много было; опять же, коню особые условия для проезда без надобности. Машина и бензин требует, и дорогу прочищенную. Снегу, бывало, навалит столько, что и многосильная техника становится беспомощной, даже ее 40 лошадиных сил не спасет. А вот животина в одну лошадиную силу не в пример выгодней: кинул торбу в сани, а поверх — мешок с ячменем или овсом, — и питанием обеспечена дорога. Опять же на мешке ехать теплей и удобней, чем на охапке сена в кузове. Так что для деревенской жизни лошадь была не блажь, а жизненно важное условие.

Карька приноровился жить в мороз, а тут тепло поперло! Как хотелось ему свежей сочной травы и теплой воды. Пил Карька обычно из проруби на ручье, пробежавшем через всю деревню. К ночи прорубь затягивало льдом, и Карька старался приходиться на водопой, когда смеркалось и лунка еще не затянулась льдом.

Люди давно заметили его здесь и пытались подкараулить Карьку на водопое и изловить, но он стал матерым жеребцом, сильным и умным. Если кто пытался его здесь заполучить, мог нахрапом опрокинуть седока вместе с лошастью. А пока ошарашенный наездник поднимался и ловил свою испуганную лошадь, Карька спокойно пил воду, после чего мог и лошадь погонять, чтобы досадить ловцу счастья и жеребцов. Но случалось такое редко.

Хотя про жеребца ходили всякие разные побасенки: то Карька старшего конюха загнал в денник и полдня не выпускал его, то Карька на зимней дороге вступился за припоздавшего путника, на санях пытавшегося уйти от волчьей стаи, и раскроил жожаку стаи череп, разогнал остальных хищников по степи. Правда, нет ли — кто знает, но находили люди в степи остатки матерого волка с разможенной башкой, но чья это работа, разве дознаешься?

И все же Карьку стали опасаться, но не сильно; некоторые, пешкодралом осмелившиеся зимой ходить, рассказывали, как за ними невдалеке, вроде как сопроваждая, трусил жеребец до первых изб. А потом пропадал, будто и не было!

Председателю колхоза Бутырину надоели эти рассказы, и как только земля в степи подсохла, снарядили несколько человек с Сарманом во главе на поимку вольнолюбивого колхозного жеребца. Придумали изловить его в березовых колках, что располагались неподалеку от деревни. В засаду встали три всадника, загнали еще пять. Больше людей деревня не могла дать, и так колхоз некоторые работы отложил на пару дней, хотя это было и нарушение.

Замысел был прост и коварен: загнать Карьку в Первый лесок, где снега было еще много, и изловить! Снег и березки лишат его преимущества в скорости и маневре.

Поначалу все шло, как было задумано. Ничего не подозревая, жеребец легко

удирал от наездников и как бы даже заигрывал с ними: то заржет, призывая коной с ловцами бежать следом, сбросив седоков, то остановится и, встав на дыбы, колотит передними ногами и ржет грозно!

Наконец погоня стала наступать Карьку и направлять его в обход Первого леса, как раз где должна была находиться засада. Жеребец, радуясь случаю посостязаться со взрослыми конями, поддал прыти, но неожиданно на его пути оказались всадники. Слева лесок, справа и сзади погоня, что делать? Казалось, участь свободолюбивого жеребца, запросто уходившего от волчьей стаи, была решена! Сейчас он повернет в околок и, утонув в мокром, но рыхлом снегу, провалится по самое брюхо, так что станет легкой добычей всадников. Накинут они на него аркан или даже два и с позором поведут пленника в денник, и прощай свобода!

Карька решился кинуться между встречными всадниками! Лошади, вопреки потугам наездников, раступились, и жеребец оказался на воле, радостно заржав.

Блестящая операция по поимке жеребца Карьки с треском провалилась. Сарман негодовал, недоумевая, как жеребец оказался смышленей человека, ведь вроде все подгадали, и ветер был попутный, значит, засаду не учует. Потом же, охват произвели грамотно!

Кто ж знал, что Карька безрассудно кинется на засаду и проскользнет между коней?! «Шайтан, одно слово!» — бормотал обескураженный Сарман.

Начиналась посевная пора, и ловить жеребца стало некому. Над мужиками посмеялись, потом подивились бесстрашию и удали жеребца — и забыли о нем на время. Страда отодвинула все прочие заботы на потом, «Весной день год кормит!» После того как отсеялись и выгнали скот в летние гурты, наступила передышка, но не для всех. К сенокосу надо было готовить косилки и прочий инвентарь: поголовье скота увеличилось, и косами много не возьмешь. Благо в хозяйстве были сенокосилки на конской тяге и огромные грабли, полностью изготовленные из железа, в которые запрягали самых сильных коней. Кузнец об эту пору был востребован как никогда, Председатель заходил к нему каждое утро и беседовал как с приятелем. Сан Саныч ценил это. Бутырин был руководитель толковый, умел с людьми разговаривать: к кому с добрым словом, а на кого и прикрикнет. Главное, что все было по делу и справедливо. Работяг не обижал и зарплату хорошую платил, почет должный оказывал им по праздникам. Грамоту там и премию какую выпишет. Одно слово, Хозяин на земле, потому как без Хозяина земля оскудевать начинает!

Карька же по-прежнему наслаждался вольной жизнью и ночью прибегал к кобылам в ночное. Первое время право спариваться с кобылами принадлежало жеребцу-пятилётке Серко. Его так называли, потому что масть была серой с черными пятнышками, навряд как обрызгали его грязью. На вид Серко не из самых красивых, но силу имел неимоверную. Кузнец для него особые подковы делал, огромные. Еще стригунком на Серко обратил внимание ветеринар Егор Кузьмич: крупный и смирный, ну а масть — не велика беда, в конце концов, в табуне должны быть сильные и здоровые лошади, способные выполнять тяжелейшую крестьянскую работу, пахать и обрабатывать землю, возить различные грузы. В посевную на поля зерно отвезти надо, людям, живущим на бригадных станах, продукты доставить, воду. Пахать трактора могут, и сеялки по пахоте тянуть опять же многосильному трактору ДТ-54 способней. А вот если сенокосилку технике доверить, то трава соляркой провоняет, а скотина такое сено не жалует. То ли дело лошадка: и не ломается через день, как железный конь, и соляркой заправлять не надо.

В общем, Серко первое время достаточно равнодушно взирал на попытки молодого жеребца огулять молодую красивую кобылку, ни разу не покрытую жереб-

цом. Наконец, когда уставшая от настойчивости кавалера кобылка остановилась, покорно ожидая момент соития с Карькой, Серко налетел на них и не дал поcratch свое законное право осеменять кобыл! Карька, потерявший бдительность от возбуждения, был сбит с кобылы мощным крупом Серка, злобно ржавшим над поверженным соперником.

Обескураженный неожиданной атакой вожака табуна, Карька медленно подъялся и начал приходить в себя, оценивая ситуацию. Удивление скоро сменилось яростью. Карька начал фыркать губами и мотать головой. Серко спокойно стоял возле молодой кобылки, готовясь к спариванию с красавицей. Вдруг он услышал дикое ржание, и Карька с пеной у рта наскочил на жеребца. Серко хоть и не ожидал нападения, но внезапную атаку ловко отбил, лягнув задними копытами неуклюжего соискателя. Карька в последний момент убрал голову от удара подкованными копытами, но железо рассекло кожу на груди жеребца.

Карька всхрапнул от боли и отскочил в сторону. Удар взрослого жеребца обрзумил его. Кровь сочилась по груди Карьки, ярость не покидала сознание, но аргументы у Серко были очевидны, гораздо сильнее желания соперника!

Карька долго хворал, в ночное не приходил: рана медленно затягивалась. Жеребец стойко в одиночестве переживал горечь поражения.

Не откладывая, Серко на глазах поверженного соперника спарился с молодой кобылкой, испугавшейся драки между самцами за право обладать ею. Серко еще несколько раз добивался взаимности у других кобыл, только Буланку не тронул. Старая кобыла не вызвала желаний у жеребца, хотя еще пару лет назад именно от этой связи появился на белый свет Карька, кинувший ныне на своего, так сказать, отца. У животных нет чувства привязанности детей к своим родителям после периода взросления и превращения подрастающего поголовья в полноценное взрослое стадо или табун, или отару. Непонятным образом вчерашний ребенок, становясь самцом, добивается взаимности у своих сестер и даже матери, а биологический отец становится соперником! Чудны дела твои, Господи! Это является еще одним косвенным доказательством невозможности происхождения человека от животного...

Карька продолжал жить вольной жизнью, реже появлялся вблизи деревни, хоронился от людей в лесах. Даже на водопой не ходил к ручью — в глубине лесов обнаружил небольшое озерцо, причудливо расположившееся в глухой чащобе и питаемое родниками. Озеро и в жару было прохладным, по берегам рос камыш, а на зорьке в нем плескался карась. Утки вываживали здесь своих утят — люди никогда не беспокоили тишину этого потаенного природного рая.

Карька случайно обнаружил тропу, пролежавшую между деревьев, но ее запах не вызывал беспокойства — это была оленья тропа. Жеребец видел грациозные создания, скрытно пробирающиеся вглубь чащи. Небольшое стадо оленей прошло по тропе и так же сторожко через небольшое время вернулось обратно.

Карька, раздираемый любопытством, двинулся с предосторожностями по тропе и через некоторое время вышел к озеру. Потом он часто пользовался этим водоемом. Конечно, предварительно выждав какое-то время, чтобы не столкнуться с другими крупными зверями.

Через месяц рана затянулась, и только небольшой шрам от копыта красовался на груди жеребца. Жизнь на воле научила его осторожности и внимательности, появились выдержанность и хладнокровие, стремительность принятия решения, от которого часто зависела жизнь.

Председатель колхоза Бутырин смирился с потерей одной лошадиной силы, к тому же дела и заботы одолевали. За короткое лето надо успеть посеять зерновые

культуры и вовремя сжать их с минимальными потерями, сдать государству и колхозникам оставить, потом же сохранить семенной фонд и запастись кормами для скота на зиму. Свезти до жатвы все сено не успевали, и стожки старались огородить жердями, препятствующими лосям и оленям потрошить их. Предстояло рассчитаться с долгами за технику и ГСМ, налоги уплатить, и людей без денег не оставить. Голова пухла от думок, и ночью не раз тревожно просыпался он. И стоило хотя бы вскользь подумать о том, как навоз вывезти по весне на поля или как запустить в колхозный пруд рыбу, все — сна как не бывало!

Технику государство выделяло, а кадры колхоз должен был самостоятельно готовить. Вот и сажали мальчишек стажироваться на трактор: механизаторы пользовались особым почетом и имели солидный заработок. После стажировки пацаны самостоятельно работали: для колхоза подмога, семье — кормилец, а юноше — тяжелый труд, особенно если пахота выпадала по ночам.

Карька входил в пору взрослого жеребца, и кобылы стали его вождеденной мечтой, заслонившей все остальное. Урок, полученный от Серка, не прошел даром, но не зря Сарман называл Карьку не иначе как шайтаном, что по-церковному — лукавый враг рода человеческого.

В конце лета Карька, охаживающий молодую кобылку, смог наконец добиться своего. Случилось это в ночном, Серко был в другой бригаде, а в ночное его не гоняли.

Карька был на вершине блаженства: за короткий срок ему удалось совокупиться с несколькими кобылами. Серко, вернувшийся из непродолжительной отлучки, был неожиданно отставлен вниманием колхозных кобыл!

Карька, объявившийся к ночи, сразился с ним и в непродолжительной схватке на этот раз одолел соперника. Так он стал признанным вожаком табуна. Трудолюбивый Серко спокойно перенес утрату влияния в табуне. Только Буланка, мать Карьки, сердобольно относилась к отцу своего последыша. Утешение слабое, но Серко на большее уже и не претендовал.

В тот день Карька заботливо обходил табун: кончалось лето, и вместе с ним кончались выпасы лошадей в ночном, роса стала холодная, и трава пожухла. Скоро лошадей перевели на стойловое содержание: конюшня за лето была высушена, и теплый воздух от дыхания лошадей мало-помалу заполнял все уголки просторного помещения.

Карька стало жить привольно, а Серко терпеливо сносил знаки внимания кобыл, оказываемые сопернику, красавцу-жеребцу. У Карьки грива шикарная, шелковистая, никто ее не чесал, а грива была ровная, волос густой и концы сворачивались в колечки. Карька бегал рысью, угнаться за ним не мог ни один конь. Стригунки с уважением расступались перед жеребцом, табун целиком подчинился новому вожаку. Карька мог запросто увести кобылку из ночного и пару-тройку дней гулять с ней на просторах между березовыми колками или забрести в густой смешанный лес, где хвойные перемежались с лиственными деревьями, и, остановившись на широкой поляне, миловаться с молодой кобылкой.

Серко теперь все время особняком пасся, только Буланка иногда подходила к нему — и то недолго: по старости списали кобылу, а копыта содрали — в самом деле, не пропадать же добру. В итоге Буланку и еще трех ее сверстниц увезли на мясокомбинат. Старые кобылы понимали, куда их ведут, но не вырывались, только слезы текли из глаз.

Смотреть, как стадо ржало, прощаясь с кобылами, было всегда тяжело. Мужики скрывали за грубостью свои переживания, мальчишки всю ревели. Степану нужно было определить, какую из лошадей отправить на убой. Ночей не спал и в конюшню старался реже заходить. Там Буланка ласково уткнется ему в спину, он же вынет из кармана краюху хлеба, густо солью посыплет и протянет лакомство

кобыла. Любил он ее, а Буланка всех любила, даже когда неопытный возница стеганет кнутом незаслуженно, не брыкалась, только обиженно тихонько поржет — и все!

И вот так вышло, что Буланка, теперь самая старая кобыла, подлежала отправке на убой. Несколько раз Степан убеждал оставить ее, дескать, еще может жеребенка хорошего принести, но Карька по заключению ветеринара оказался последним ее плодом.

Лошадей разобрали по работам, в конюшне остались только подлежащие забою. Пока сдирали с них копыта, стояла тишина, потом на лошадей одели веревочные арканы и связали вместе.

Степа крепился как мог. Когда открыли ворота, увидели Карьку. Жеребец напряженно стоял и бил копытом по снегу. Это означало, что он злится. Вдруг Карька заржал и угрожающе встал на дыбы. Два часа не могли вывести старых лошадей из конюшни, пока мимо проезжавший верхом на Мальчике Сарман не увидел Карьку и схватился за аркан.

Поймать жеребца представлялся заманчивый случай. Карька был вне себя от ярости и не обращал внимание на подбегавшего сзади на коне мужика. Но то ли рука того дрогнула в последний момент от вождления поймать непокорного жеребца, то ли счастье опять улыбнулось Карьке, только петля просвистела над его головой. Карька поднялся на дыбы, злобно заржал и, повернувшись на задних копытах, прыгнул в сторону всадника. Мальчик отпрянул в сторону, и Сарман выпал из седла!

Карька умчался, лошадей увели в город и сдали на мясокомбинат. Правда, приемщик тамошний ругался, что поздно привели, и даже завернуть хотел до завтра, но оказалось, что забойщики еще не ушли, и пришлось принять на убой четырех лошадушек...

Деревня чуток позубоскалила по поводу падения Сармана с молодого жеребчика по имени Мальчик. По молодости его не запрягали в телегу или сани, под седлом ходил конь. Вся деревня любовалась, как Мальчик плясал от желания скакать во всю прыть: жеребец буквально танцевал, выбивая копытами немислимую дробь, и езду приходилось натягивать поводья уздечки, сдерживая рвение Мальчика. Но как только удила переставали давить, вынуждая сворачивать шею, задирая немного вверх, жеребец пускался рысью, переходящую в галоп. И так легко и красиво это у него получалось, что однажды увидев эту картину, уже невозможно забыть озорное желание жеребца мчаться во весь опор! К сожалению, летом работы много, и жеребчика все чаще стали запрягать в бричку, сенокосилку, и даже тяжелейшие грабли пришлось таскать Мальчику, и все... Жеребец стал уставать от тяжелой работы, и лоск исчез, под седло его не брали, и к осени из прыткого бегунка Мальчика получили обычного коня, способного уныло тянуть тяжелые сани, телегу и прочие приспособления, но скакать во весь опор, споря с ветром, Мальчик уже не мог. Сарман больше всех переживал, ему хотелось на Мальчике нагнать в степи Карьку и, накинув волосяной аркан, притащить непокорного жеребца в конюшню.

Карьке исполнилось 8 лет, он по-прежнему был жоаком в табуне. Выросло уже не одно поколение жеребят от Карьки, а жеребец продолжал наслаждаться вольной жизнью. Не страшна ему сибирская зима по полгода и морозы 40-градусные, весенняя бескормица. Все научился переживать карий жеребец — красавец.

Но однажды приехал в деревню к родственникам на молодой белой кобылке старый казах Сыздык с жидкой седой бородкой. Услышав от родичей про жеребца Карьку, вызвался помочь.

Вместе с Сарманом они привязали в глубине конюшни кобылку, справедливо полагая, что самец не устоит перед чарами молодой красавицы.

Ждали долго, Карька все не шел.

Только на третий день Карька, пробега мимо раскрытых ворот, почуял характерный запах молодой кобылы. Осторожно вошел в распахнутые ворота... Подойдя к кобыле, обнюхал ее. Осторожность все-таки возобладала, и жеребец, слегка прикусив за нижнюю губу кобылку, пошел на выход. Кобылка осталась стоять на месте, так как была привязана. Карька вернулся и повторил приказание следовать за ним, но как только он сделал несколько шагов, так тут же почувствовал, как неведомая сила обхватила его за шею и стала сдавливать, затрудняя дыхание. Карька попытался встать на дыбы и освободиться от удушающего волосяного аркана, сделанного из конского волоса, но режущая сила передавливала горло и не давала дышать. Пришлось покорно опуститься. Сарман крепко держал волосяной аркан, упершись ногами в столб, на котором крепилась матка крыши конюшни. Для надежности аркан обвили вокруг столба и завязали на узел.

Карька решил до смерти бороться за свою волю! Еще несколько раз он пытался встать на дыбы и порвать ненавистный аркан, обхвативший его за шею, но тщетно. Белки его глаз налились кровью, ведь он впервые так глупо попался.

Он метался, насколько позволяла длина аркана, но начал наконец уставать. После очередной попытки подняться на дыбы Карька обнаружил, что длина аркана уменьшилась, и с каждой попыткой морда жеребца все ближе оказывалась к столбу. Наконец столб вплотную приблизился к морде Карьки, и встать на дыбы он теперь уже не мог, но продолжал брыкаться, хотя это доставляло нестерпимую боль. Ведь кроме аркана на него набросили петлю из веревки и сделали растяжку, чтобы жеребец не мог свободно поворачиваться.

Карька устал, пот заливал глаза, он видел только перед собой и немного по бокам. Сарман с подоспевшими мужиками закинул на спину Карьки два мешка с песком, заблаговременно приготовленных и стоявших неподалеку от кобылки, которую сразу же увели. Карька хрипел и брыкался, но мешки были крепко привязаны к его спине, Сыздык придумал. Двое суток стоял жеребец в запертой конюшне с мешками на спине.

Было тяжело, хотелось пить и есть, но больше всего Карьку угнетали мысли о потере свободы. Не гулять вольно по степи, не забредать в поисках прохлады в укромные места и водицы студеной из родника не пить! Жеребец привык, что его не могут поймать, и жил всегда в свое удовольствие. Никому он ничем не обязан и не будет таскать всякие там телеги и сани, сенокосилки и прочую дребедень, чтобы получить вечером ведро овса! Он вырвется из кабалы...

Так в полудреме прошла ночь. Утром ворота конюшни заскрипели, пришли люди. Обошли вокруг, посмотрели. Карька через силу взбрыкнул пару раз, и люди ушли. Хотелось пить и есть, мешки с песком давили на спину. Карька бы упал, но арканы туго держали его на привязи у столба.

Наступила вторая ночь, Карька не сдавался.

«В весеннюю бескормицу, бывало, несколько дней не ел и ничего, и сейчас вытерплю», — думал Карька. Правда, тогда его шею не сдавливал волосяной аркан, и жеребец всегда мог поживиться на колхозном сеновале сеном. Охрана, конечно, стерегла колхозное добро, но на ночь уходила спать, и тогда можно было и поесть, и поспать за скирдами с сеном.

Вот и новый рассвет забрезжил — солнце нехотя поднималось в духоте. Ворота опять заскрипели, Сарман и Сыздык подошли молча, без разговоров.

Карька, предчувствуя беду, насторожился: на морду ему надевали какую-то дрянь, с которой все лошади щеголяли. Карька решил не позволить проделать с ним такое унижение. Вдруг по губам ударили железом, инстинктивно Карька раскрыл губы, обнажив здоровые крепкие зубы, и тут же получил удар по зубам же-

лезом. Спасая зубы, жеребец открыл рот и заржал, и тут же почувствовал, как между нижней и верхней челюстью оказались металлические удила — страшно неприятная штука, не позволяющая сжать челюсти и укусить врага!

На голову коня торжествующий Сарман натянул уздечку, Карька хрипел и мотал головой, пытаясь помешать человеку превратить себя в слугу!

Карька не смог помешать человеку надеть уздечку, но никогда человек не будет сидеть на его спине! В это время тяжесть на спине увеличилась. Вдвоем с Сыздыком, Сарман надел седло на жеребца и крепко затянул подпруги. Как только Сарман сел на Карьку, Сыздык ловким движением ослабил аркан и сбросил его с головы коня, тот рванулся в сторону и, почувствовав небольшую свободу, встал на дыбы, порвал вторую веревку, привязанную к другому столбу, но сбросить седока не удалось.

Карька рванул к выходу что было сил: сейчас, наконец, он избавится от ненавистного седока, осмелившегося оседлать его. Пустившись во весь опор, Карька прыгал из стороны в сторону, пытаясь сбросить всадника, но Сарман не зря славился своим умением объезжать лошадей, его длинные ноги почти сходились под брюхом лошади и крепко держали Сармана в седле. Скинуть такого седока было невозможно! Несколько часов Карька носился по степи, не разбирая дороги, — ярость не давала ему успокоиться.

Всему есть конец: Карька устал и смирился. Он уже не скакал и даже не бегал трусцой. Жеребец шел шагом, на спине у него восседал человек, покоривший когда-то его предков, а сегодня и черед Карьки настал. Жеребцу было тяжело нести на своей спине всадника и мешки с песком, но никто и не думал его освобождать. Он должен был в таком виде вернуться в конюшню, дабы все видели, что и Карьку укротили!

Когда с коня сняли мешки с песком, он облегченно вздохнул. Стало полегче, но жеребец стоял в деннике и был объезжен человеком!

Сыздык подозвал Степана, дал ему горбушку черного хлеба, густо посыпанно солью, и сказал:

— Дай коню, и он всегда будет считать тебя своим Хозяином!

Степа, робея, подошел к замученному жеребцу и протянул горбушку. Карька недоверчиво повернул голову и, услышав запах соли и хлеба, потянулся к Степе. Жадно схватил краюху и, пережевывая, с благодарностью смотрел на конюха.

Сыздык велел до вечера не поить жеребца. Степан принес на закате два ведра прохладной воды, и Карька выпил все до донышка. С тех пор между ними завязалась дружба. Карька никому не давал убираться в своем деннике, кроме Степана. Запрячь Карьку мог только Степан, других жеребец кусал. Карьку впервые подковали. Сан Саныч удивлялся крупным копытам жеребца, так что специально выковал ему особые подковы, и Карька разрешил «обуть» себя.

Щеголяя в новых подковах, он скоро заметил, что лошади стали более благосклонны к нему. Что с них взять, одно слово — «кобылы»!

Карька не любил таскать телеги и прочие приспособления, но когда Степа запряг жеребца в грабли для сбора сена, вот тогда жеребец почувствовал всю тяжесть работы колхозного коня! Это были огромные железные колеса высотой с него и железная балка, к которой прикреплялись длинные дугообразные прутья, а также сиденье из металла для человека.

Карька чуток налег, но грабли не сдвинулись с места. Другие лошади, уже не раз таскавшие грабли, с интересом смотрели, одолеет силач эту технику или техника одолеет его?

Жеребец налег, что было мочи, и потащил, как перышко, тяжеленные грабли. Возница дядя Паша славился своим трудолюбием, и в тот день выполнил две нормы по сбору сена в валки.

Вечером на Карьку посмотреть было жалко: пот в три ручья с него тек. Возница выпряг коня и передал его конюху. Степа повел в поводу трудягу туда, где недалеко в околке было озерко и трава сочная. Обычно туда в ночное лошадей гоняли. Степа вел Карьку и боялся, что тот не остынет, пока дойдут до леса, и тогда надо будет еще немного поводить мокрого коня.

Вечер выдался теплый, но не душный, и прохладный ветерок обдувал хорошо, так что скоро Карька высох, и его можно было поить.

Конь зашел в воду, постоял задумчиво и стал пить. Степа нарвал жесткой травы, снял штаны, и в трусах зашел в воду. Намочив бока коню, он стал шоркать по ним пучком зеленой травы что есть силы. Чистый и накормленный конь лучше работает. Удила не мешали жеребцу, Степа их рассоединил, не снимая уздечку, и освободил рот коню. Карька уже привык к уздечке и удилам, только к неволе привыкнуть было сложно. Вот ничто не мешает ему сейчас, как раньше, удрать на волю, а нет сил. Выложился за день так, что все думки о еде и отдыхе. И к мальчишке привык, уж больно ласковый, и горбушка с солью всегда при нем. Убежать от такого не хочется.

Ноги у жеребца гудели всю ночь, и утром, когда Степа хотел надеть хомут, чтобы снова запрячь его в грабли, где уже нетерпеливо ожидал дядя Паша, Карька встал на дыбы и аккуратно толкнул конюху, да так, что Степа упал на пятую точку опоры и выронил хомут из рук.

С тех пор телегу или сенокосилку Карька таскал, а к граблям больше не подошел ни разу!

Осенью Степу отправили на курсы трактористов-комбайнеров. Уезжал конюх с неохотой, понимал, что скоро техника заменит лошадок, но расстаться с Карькой было тяжело. Последнюю ночь перед отъездом парень просидел в конюшне рядом с другом. Объяснял, что за техникой будущее, а Карьку он выкупит у колхоза — и будут они вдвоем за дровами ездить или картошку дома под плуг сажать. В хозяйстве для лошади всегда найдется работа.

Так и уснули вдвоем, Степа в яслях, а Карька стоя рядом. Поутру Степа убрал в деннике и насыпал овса в ясли, подождал, пока друг поест и попьет, вывел его из конюшни и запряг в телегу.

Подошел на прощание к Карьке, обнял за морду, расцеловал и заплакал. Жеребец тыкался в руки, ища горбушку, а Степа повернулся и пошел быстрым шагом, потом побежал по направлению к дому.

Курсы пролетели быстро.

Ближе к весне Степан сдал экзамены и, получив «корочки» тракториста-комбайнера, наконец вернулся домой. Заскочил на минутку к себе, вещички оставил — и бегом на конюшню.

Запыхался, в кармане горбушка свежего, еще теплого черного хлеба и спичечный коробок с солью.

Двери конюшни были прикрыты, но стояли не на запоре. Степа вошел и в сумраке не сразу разобрался, что тут и как. Включил свет, прошел по проходу между денниками: оказывается, половина лошадей еще не вернулась.

Степа решил ждать Карьку. Вот обрадуется друг!

Наконец ворота заскрипели, и вошел бригадир Иваныч, ведя на поводу Мальчика. Сильно сдал конь, от былой прыти не осталось и следа.

Увидев Степана, бригадир всплеснул руками.

— Мать честная, Степка, ты, что ли? А мы тебя ждали в апреле... — вдруг смутившись, сказал бригадир.

— Да вот, экзамены сдал — и сразу домой, — торопливо объяснил Степан.

— Ну, ну... Смотри, как вырядился, совсем городской стал. За такого любая девка замуж пойдет! — явно старался оттянуть Иваныч главный разговор.

— Ну а Карька мой тут как? Небось, опять жеребят настряпал целую кучу? — не утерпел парень.

— Хм, оно, конечно, жеребята — дело хорошее... Только все равно трактора заменят наших лошадушек! — отводя глаза, проговорил Иваныч. — Вам, молодым, сейчас об образовании думать надо. Вот ты молодец, что выучился на тракториста! А мой Васька только на девок заглядывается. У тебя Степа, как с этим? Жениться не надумал? — сказал Иваныч и деланно захохотал.

У Степы все внутри оборвалось от нехорошего предчувствия.

— Карька где?! — крикнул он.

— Да ты понимаешь, Карька никого к себе не допускал... Не ел, не пил. Как ты уехал, он и стал фардыбачить. Ветеринар хотел укол сделать, а он ему копытом в пах. Думали, помрет, но ничего, Егор Кузьмич хоть и жидкий на вид, а жилистый — оклемался помаленьку. А Карьку по такому случаю в город отправили, значит. Ну, ты понимаешь, никто с ним сладить не мог, а ты уехал! На всякого, кто к нему в денник заходил прибраться или покормить, Карька стал кидаться и топтать! Ну, и че было делать? Правление решило в отставку твоего жеребца. Того, на бойню, значит...

Степа начал хватать ртом воздух, и вдруг изнутри его вырвался стон, да такой глубокий! Парень осел на пол и зарыдал. Иваныч пытался поднять и вывести на воздух парня, но только с помощью подошедших мужиков смог сделать это.

Один из припозднившихся конюхов поинтересовался:

— А че это Степка блажит, как бабка Севачиха? — и ехидно захихикал.

— Пасть свою закрой! — рявкнул на него Иваныч.

В телегу запрягли Мальчика и повезли Степу домой.

...Через пару дней, когда Степан проходил мимо кузни, Сан Саныч окликнул его.

Степан, нахмураясь, поздоровался, войдя в кузню. Кузнец попросил обождать и полез в свой заветный закуток, что-то достал и вручил Степе.

— Подкова Карькина, отродясь таких подков я не ковал. Вот оставил тебе на память.

— Спасибо... — прошептал Степан, хотел еще сказать что-нибудь хорошее, но слезы и комок в горле не дали этого сделать.

